

ПИСАТЕЛЬ НА СЦЕНЕ

Биографы Алексея Николаевича Толстого единодушно отмечали: знаменитый писатель мог быть великолепным актером, он удивлял своей артистичностью, его мимика, жесты, дикция отличались большой выразительностью. Свои произведения Толстой читал с непередаваемым профессиональным мастерством, представляя в лицах целые мизансцены.

Один из его слушателей вспоминал, как замечательно Алексей Николаевич разыграл сцену путешествия посла Ураинцева с капитаном португальцем Памбургом в Константинополь:

«А Я ВОТ ДОРВАЛСЯ...»

«Представьте себе, — возбужденно говорил писатель, — такую здоровенную медно-красную морду с заплывшими пьяными глазами и растопыренными усами, как у кота. Бандитская рожа. Голос как из бочки... Это — Памбург».

«Я был у него, на его (Толстого. — В. В.) московской квартире, — вспоминал К. И. Чуковский. — и он, не зажигая огня, импровизировал диалог между царицей Елизаветой Петровной и кем-то из ее приближенных — такой страстный, такой психологически тонкий, с таким глубоким проникновением в историю...»

Если проследить за всеми выступлениями А. Н. Толстого на театральных подмостках, то можно составить миниатюрную актерскую биографию писателя.

Любовь к театру у Алексея Николаевича пробудилась в юности, чем он был обязан своей матери Александре Леонтьевне, которая сама сочиняла и ставила с любителями свои несколько наивные и трагические пьесы из жизни крестьян. Ее сын неизменно участвовал в этих представлениях.

Известно, что Толстой много раз выступал в собственной пьесе «Касатка». Первый выход его в роли Желтухина состоялся в 1922 году в рижском русском театре. Он тогда с успехом исполнил написанный специально для этого спонтанно и не вошедший ни в одно издание пьесы «Романс Желтухина»:

Огнями ресторан сиял,
Румынская задела скрипка,
И ты глядела в дымный зал
С печальной, нежною

улыбкой.

Я подошел. О, будь со мной,
Люби меня! Ты сжала руки.
Какою дивною тоской
Нам пела скрипка о разлуке!
Забудь.

Приди. Люби. Живи...

И билось сердце странно,

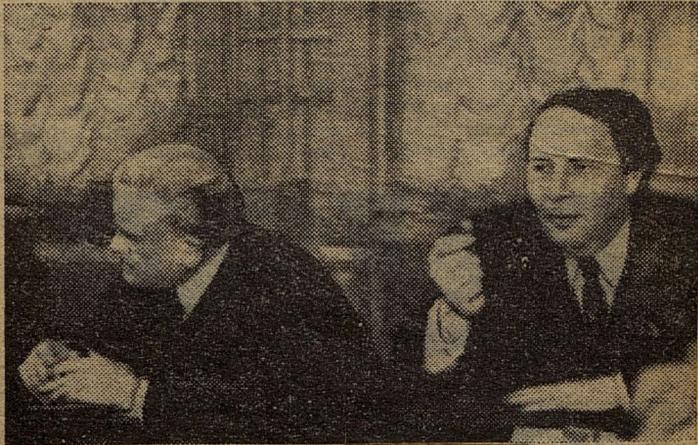
сладко...

О, вспомни эту ночь любви,
Красавица моя Касатка...

Алексей Николаевич очень любил эту свою пьесу и нередко во время летних гастролей театров по Советскому Союзу играл в ней вместе со своими друзьями — актерами Н. Радиным, М. Блюменталь-Тамариной, Е. Шатровой, В. Массалигиной, Н. Белозерцевой.

Многим писателям старшего поколения запомнилось представление «Касатки» с участием автора, устроенное в мае 1933 года Московским отделением ССП в пользу подшефной МТС. На этот раз текст пьесы был значительно переработан и дополнен автором.

А. Н. Толстой вместе с выдающимся актером Художественного театра И. М. Москвиным принимал участие в небольшой инсценировке — своего рода варианте рассказа А. П. Чехова «Сирена». Толстой изображал купца, а Москвин — повара. Купец, которому доктор прописал диету, долго вы-

бирал самую «легкую пищу» и в конце концов остановил свой выбор на таком меню: ботвинья, бараний бок с нашей и гусь с яблоками...

Писатель даже однажды, в шутку, правда, предлагал свои услуги в балете. Когда в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова работали над «Эсмеральдой», между Алексеем Николаевичем и балериной Т. М. Вечесловой произошел такой шуточный разговор:

— Татьяна, будет невероятным свинством, если мне не дадут возможности участвовать в этом спектакле. Возьми меня хоть на роль козы.

— Какой козы? — спросила Вечеслова.

— Ну как же, неужели ты будешь Эсмеральдой без козы? Никакого успеха не будет и не может быть! Гельцер, в Большом, всегда выходила с козой!

Актерское искусство А. Н. Толстой любил страстно, до последних дней своей жизни его тянуло на подмостки. Так, во время Великой Отечественной войны в Ташкенте состоялся большой концерт в пользу эвакуированных детей. Толстой специально для этого вечера написал одноактный сценарий «На крышах Москвы». Среди исполнителей был сам писатель, а также народный артист СССР С. М. Михоэлс.

Тут произошел такой случай. Когда Алексей Николаевич и Соломон Михайлович остались одни на сцене и вот-вот должен был закрыться занавес, Толстой подошел к Михоэлсу и умоляюще прошептал:

«Давай поиграем еще, не уйду со сцены, тебе, может, уже надоело, ты актер, а я вот дорвался...»

В упорной тяге Алексея Николаевича к искусству Мельпомены нет ничего удивительного: его приобщила к театру мать, он дружил с актерами, написал ряд драматических произведений и, естественно, полюбил на всю жизнь удивительно привлекательные огни рамп.

В. ВИРЕН

На снимке: И. М. МОСКВИН и А. Н. ТОЛСТОЙ. 1939—1940 гг.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
г. МОСКВА

17 ОКТ 1975